



*Рахматуллин Тауфик Мидхатович,
краевед (Псков)*

БИТВА НА МИРОПОВНЕ

О подвигах и заслугах князя Довмонта-Тимофея псковского перед Русью можно рассказывать много и долго. Я же хочу рассмотреть в этой статье лишь одно малоизвестное событие его жизни, которое до сих пор ставилось под сомнение историками.

Битва на реке Мироповне упоминается во многих русских летописях и воспринимается как совершенно фантастическое событие, потому что князь Довмонт вступает в битву с крестоносцами, которые в 14 раз превышают его дружину по численности и, к тому же, одерживает победу! Да какую! Шесть сотен крестоносцев перебито, а оставшиеся бегут! Возможно ли такое?.. Сложно поверить... К тому же, место битвы до сих пор считалось неизвестным и, как следствие, возникают сомнения в событийности самой битвы...

Попробуем расставить всё по своим местам.

Начнём с части фантастической.

По получении известия о нападении «ворога», князь с шестьюдесятью дружинниками (видимо, находившимися рядом), дабы не терять времени, прыгает в ладьи и устраивает погоню за неизвестным врагом, который грабит порубежье и уводит пленников из псковской земли. Врага выслеживают и нагоняют, так как он движется медленно из-за большого количества пленников, награбленного имущества и к тому же не ожидает пресле-

дователей из чувства излишней самоуверенности (800 кнехтов во главе с рыцарями! По тем временам, это приличное войско. Они уверены в том, что для того, чтобы собрать подобное количество воинов и броситься в погоню, Довмонту понадобится как минимум несколько дней). Они и помыслить не могли, что князь псковский может кинуться в погоню и напасть на них лишь с горсткой воинов! Но, увы, именно так и произошло. Бесстрашие князя и его дружинников плюс фактор неожиданности сыграли свою роль. Ведь история знает десятки, а может даже, сотни случаев, когда мужество, отвага, искусное владение оружием, мудрая голова и, конечно же, определённое везение приносили успех в схватках с превосходящими силами противника! Князь Довмонт (как показывает статистика сражений, в которых он участвовал) обладал всеми этими качествами, поэтому у меня (как и у многих историков-профессионалов) нет никаких сомнений в его успехе в битве на Мироповне.

Мы знаем, как двести викингов взяли Париж, как Бабур десятью тысячами разбил стодевятитысячную армию... Может быть, тогда стоит сомневаться и в победах Александра Македонского? Весь мир знает о трёхстах спартанцах, сражавшихся против армии, превышающей их по численности в десятки тысяч раз, и верит, а тут... В общем, никакой фантастики.

Теперь перейдём к части реальной.

Согласно существующим канонам, битва, произошедшая в давно минувшие времена, считается доказанной, если сходятся, как минимум, два фактора: есть летописное упоминание битвы и известно место сражения.

Попробую начать издалека.

Князь Довмонт, проявляя чудеса личного мужества, и раньше славился как стратег и выигрывал битвы у противника, во много раз превосходящего его по численности (сражения, которые под сомнение не ставятся). Например, поход с 290 дружинниками на Полоцк и взятие его. Битва на Двине с князем Герде-нем, когда Довмонт с 90 воинами нападает и разбивает армию в 700 человек. Поход по Поморью после тяжелейшей и колос-

сальной по масштабам Раковорской битвы, когда с одной лишь небольшой Псковской дружиной он преследует многотысячные войска датско-шведских рыцарей и одерживает ряд побед, пройдя всё Поморье. Почему же тогда мы должны сомневаться в этой победе, на Мироповне?

Факт первый: битва довольно подробно описана в летописях:

«В то же лѣто собращася поганыя Нѣмцы, и пришедше тайно, и взяша со украины¹ нѣколико сель Псковскихъ, и возвратишася воскорѣ. Боголюбивый же князь Домонтъ не трѣпя обидимъ быти отъ нападеніа безбожныа Латыни, и поиде по нихъ в погонь не со многыми людми, въ пятью насадѣхъ, съшестьюдесять мужь Псковичь; и, Божією помощію и святыа Троица, и великого мученика Георгіа славного побѣдоносца молитвою и пособіемъ, побѣди ихъ 8 сотъ, на рѣцѣ на Мироповнѣ, а два насада побѣгоша во иныя острова. Князь же Домантъ ѣхавъ, зажже островъ, и пожже ихъ подъ травою, а иніи побѣгоша, а власи имъ оплѣли² огнемъ, а иныхъ изѣкоша, а иніи истопоша въ водѣ. <...> Бысть же се мѣсяца априля 23, на память святого и славнаго побѣдоносца мученика Георгіа»³.

Здесь неполное описание, это лишь отрывок из летописи, но, обратите внимание, указано количество воинов с каждой стороны, место битвы, даже точная дата – 23 апреля, причём привязанная к православному празднику. Почему мы не должны верить этим источникам?

Теперь часть третья, главная, с присутствием второго фактора – о месте битвы.

¹ Окраины.

² Пылали.

³ Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археологическою комиссіею. Т. 7 : VII. Летопись по Воскресенскому списку. – Санктпетербург : В типографии Эдуарда Праца, 1856. – С. 171. – (Надо учесть, что битва на Мироповне упоминается и во многих других летописях.)

Повторюсь, сам факт битвы ставился под сомнение, потому что отсутствовала на карте и не упоминалась в других источниках (как написано в летописях) река Мироповна. Обратите внимание на строку летописи «...*побѣди ихъ 8 сотъ, на рѣцѣ на Мироповнѣ...*», т. е. «на реке на Мироповне». Все, кто хоть немного занимался этой темой, искали на карте реку под названием Мироповна. Представьте, я тоже потратил на это много времени и в процессе написания романа о князе Довмонте не нашёл ничего лучшего, как выбрать маршрут похода по схеме примерно такой:

А). Западное побережье Чудского озера (окраина Псковских земель, со стороны латинян, плюс погоня в ладьях).

Б). Должно быть впадение реки в Чудское озеро (подразумевалась Мироповна, но её на карте нет).

В). Рядом с устьем реки, впадающей в Чудское озеро с Запада, должен быть остров, на котором горели латиняне.

Все три условия сходились в одной точке, но... Это была не река Мироповна, это была река Калли (по-эстонски – Kalli), небольшая речушка, впадающая в небольшое озерцо с одноимённым названием, в котором очень удобно могли стоять и прятаться несколько десятков ладей. Кроме того, недалеко от устья той речушки, впадающей в Чудское озеро, находятся небольшие островки. (Недалеко от острова Пийри. На карте большого масштаба они прекрасно видны. Вариант послабее – это совсем маленькие безымянные островки, чуть севернее, ближе к речушке Эмайыги.) Тут, конечно, можно поспорить, мол за 800 лет многое могло измениться, но... Снова «но»! Нашлась Мироповна!!! Мироповной оказалась не река, а целый большой район местности, в основном, заболоченной, которая испокон называлась по-эстонски Meeparalu! Что в переводе на русский означает Мироповна!

Обратите внимание на строки летописи ещё раз: «*на рѣцѣ на Мироповнѣ*». Автор летописи разделяет слова «река» и «Мироповна» (даже если учесть, что у оригинала несколько другое написание, слова разделены: «на реке на Мироповне», т. е. могло иметься в виду – на реке, а место – Мироповна! Река на Мироповне. Кроме того, до наших дней в Эстонии, на

западном берегу Чудского озера, сохранился и небольшой посёлок под одноимённым названием Meeraalu. Какие ещё нужны доказательства?!

А рассмотреть всё это можно на любой карте Эстонии, даже созданной для русскоязычных туристов.



Вывод. Место битвы существует. Сражение князя Довмонта с крестоносцами на Мироповне считать доказанным историческим фактом.

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА «СКАЗАНИЕ О ЗАБЫТОМ КНЯЗЕ»⁴

(1270 год). <...>

Пять быстроходных насадов⁵ летели по глади реки Великой под дружное «уханье» налегавших на вёсла воинов. Ветер стих, потому ставить парус было незачем. Когда насады прошли большую излучину, стоящие на носу воины заметили быстро приближающуюся им навстречу плоскодонку⁶ с двумя людьми.

Князь сразу узнал стоящего – это был Кречет. Когда лодчонка приблизилась к переднему насаду, воин, схватившись руками за высокие борта, легко перемахнул через них и молвил сидевшему на вёслах широкоплечему горбуну:

– Любомире скажешь, что князь послал на порубежье⁷ осмотреться, вернись скоро. И пригляди уж там...

Горбун лишь мотнул головой, затем взглянул на князя и приветствовал его, приложив свой огромный кулачище к груди. Довмонт ответил кивком головы и вдруг, быстро перегнувшись через борт, что-то тихо ему нашептал и подал небольшой свёрточек, обёрнутый красной тряпицей. Горбун даже бровью не повёл, выслушал, бросил тряпицу за пазуху и, одним мощным гребком развернув лодчонку, поплыл обратно. Князь же вслед ему крикнул:

– Здрав будь, Добрыня! Будем ворочаться к дому, зайду без званья. Уж больно медовуха твоя хороша да уточка на вертеле!

– А заходи, не спрашай, князь. Рады завсегда будем, – отвечал горбун гортанным басом и, взмахнув несколько раз вёслами,

⁴ Рахманин Т. Сказание о забытом князе. «Не терпя обидим быти» : ист. роман. Т. 3. – Пустошка : Пустошкинская типография, 2016. – С. 3-4, 12, 15-21, 24-30.

⁵ Разновидность боевой лодки-корабля русичей с высокими набитыми бортами для защиты от стрел, иногда с палубой, с одним парусом и вёслами на случай безветрия.

⁶ Вид лодки с плоским дном, до сих пор изготавливаемый рыбаками на Псковщине.

⁷ Пограничье.

оказался так далеко, что теперь, чтобы его услышали, пришлось бы кричать. Зная о том, он стал тихо бубнить себе под нос:

– Заходите... Чего уж там... И просьба твоя добрая, князь... Ворочайтесь тока живыми... Пусть боги помогут вам...

– Чего? Куда? – спросил Кречет, с любопытством глядя в глаза Довмонту.

– Ливоны... Коль к вечеру севоднему не поспеем, пойдём в их землю... Полону, говорят, увели много.

– А самих сколь?

– Не знаю покуда. Нагоним – поглядим, – улыбаясь, сказал Довмонт, словно собирался играть.

– Поглядим, – отвечал в тон ему Кречет, и оба, отняв у гребущих дружинников место на тахте, сели к борту и, считая со всеми и «ухая» на выдохе, налегли на вёсла. <...>

– Други мои! За подмогою нам слать незачем. Не успеет подойти, а ворог уйдёт. Уйдёт вместе с полоном. Вместе с мужами, жёнами и детьми земли нашей. Вместе с православными, нашими братьями и сестрами. А уйдут... сами знаете... сгинуть могут навек. И вина в том моя будет. И ваша, коль не поможем им. Люда нашего там четыре сотни. Ворога – восемь сотен, может, боле, никто не знает. Но нам надобно биться. Ибо на то мы и воины, дабы защищать землю свою, люд свой, баб да деток малых. Мы пред Богом в ответе за жизни их, ибо клятву в том давали. Потому истина в том, что спасти их нам должно, хоть и взамен жизни своей.

Князь обвёл всех взглядом. Вокруг была темень, и лиц почти не было видно, но Довмонт чувствовал, как слова его проникают в сердце каждого, кто слушал. Он чувствовал и верил в то, что ни один из них не противится сказанному. Он верил и чувствовал, что каждый из этих воинов пойдёт с князем своим до конца... Помолчав ещё малость, Довмонт добавил:

– И пусть то будет последней нашей битвой, но не ради славы пойдёте вы на бой смертный, а ради дружбы воинской! Не ради князя своего, а ради баб, деток и мужей, соплеменников наших! Ради люда, ворогом побитого и униженного! Ради веры и правды! Ради чести – Отечества своего!

Тишина стояла долго. Первым нарушил молчание Давыд:

– Может, кто иное думает? – воевода обвёл дружинников взглядом и добавил: – Ну, тады добре. Говори, князь, как битву ладить будем.

Довмонт кашлянул и начал уже сухо, жёстко и уверенно, так, словно делил каравай хлеба на равные доли:

– Значится, так будет. <...>

Меч вышел из ножен мягко, словно понимал, что от него требуется. Довмонт решил не издавать шума, пытаясь пробить скрамасаксом⁸ кольчугу лениво стоящего воина.

Он просто, подкравшись сзади, одним махом рубанул по голой шее и отсёк полусонному стражнику голову. Мягко упав на траву, голова исчезла где-то в темноте... Падающее тело осторожно подхватил Лютол и без лишнего звука положил на траву. Бьющая фонтаном кровь с ног до головы окрасила его в красное...

Довмонт подал знак, присев, вытер меч о штанину бездыханного кнехта, вложил меч в ножны и, достав из-за спины лук, приложил стрелу к тетиве. Лютол несколько раз ударил огнивом. Пучок нежного сухого мха вспыхнул, за ним загорелась просмоленная стрела. Отмерив в темноте взглядом расстояние, выждав всего миг, князь натянул тетиву и выпустил стрелу. Описав большую огненную дугу, стрела перелетела весь стан и вонзилась в самую макушку мачты дальней ладьи. Ярko брызнув во все стороны звёздными искрами, огонь словно разлился по мачте и полетел маленьким водопадом вниз. Сразу же вспыхнул, словно факел, висящий парус. Огонь осветил изумлённые лица сонных воинов, уже успевших задремать и вдруг неожиданно разбуженных вспышкой. Весь ливонский лагерь, не успев сообразить ещё, что происходит, какое-то время заворожённо смотрел на разгорающееся пламя. Люди не сразу поняли, отчего так неожиданно и быстро разгорелся огонь. Тишина длилась недолго. Неожиданно со всех сторон, словно невидимые чудища изрыгнули искры, на ливон и их ладьи полетели десятки огненных стрел... Ударяясь о воинов, о ладьи, падая на землю, мешочки с жидкостью на горящих стрелах

⁸ Боевой нож.

лопались, разливаясь вокруг всепожирающим огнём. И нельзя было погасить то пламя как обычное, ибо казалось, что пытаюсь тушить, люди только разжигали его пуще прежнего. А те воины, в кого попала стрела со страшной смесью, пытаюсь тушить огонь, стали выпрыгивать из ладей в воду, и, горя, объятые пламенем, издавали столько безумного шума и крика, что неожиданно внесли страх и панику в ряды воинства.

Ещё никто не мог понять, что происходит, и потому ливонцы стали метаться то в одну, то в другую сторону, ещё больше усугубляя панику. А десятки огненных стрел продолжали появляться словно из ниоткуда, из темноты, и поражать окружённого со всех сторон противника. Во-первых, никто не ожидал нападения в таком укрытом от всех врагов месте. Во-вторых, кто посмел?! В-третьих, неожиданное нападение как-то быстро смешалось со страхом невиданного доселе огня, который разгорался с неистовой силою и долго не гас, когда его пытались чем-либо сбить. От вылетающих из темноты стрел быстро разгорались не только зелёный камыш и одежды воинов, но и толстая, дощатая обшивка ладей!

Лишь рыцарь Ричард и вмиг протрезвевший Ханк криком и волею мужества своего стали останавливать и строить вокруг себя воинов.

– О, Господи! – кричал в поднявшемся шуме и суете на ухо Ричарду рыцарь Ханк. – Мы окружены! Сколько их, как вы думаете, Ричард?

– Не знаю! – отвечал тот. – Выставить копьё! Лучники, ко мне!

Вскоре пламя на большой поляне, которую ещё засветло, днём, вытоптали себе ливонцы, так хорошо освещало всё вокруг, что Довмонт, видя ворога как на ладони, стал прицельно их отстреливать...

Лучники же Ричарда, окружённые со всех сторон, стреляли наугад в темноту. Воинство ливонское сгрудилось на поляне в трёх местах. Основная сила в триста кнехтов собралась вокруг своего предводителя, посреди поля. Около сотни столпились, прикрыв себя щитами и выставив копьё, подле воды, шагах в сорока-пятидесяти от горящих ладей. Третья же часть ещё в самом начале поднявшейся суеты побежала по незнанию влево,

устремившись подальше от огненных стрел и пытаюсь уйти, но стала вязнуть в коварных топях прибрежного болота. Болота, которого боялись даже местные жители. Выхода из него не было, только назад, и то если повезёт...

Вскоре полторы сотни ливонских воинов, истреблённых из укрытия дружинниками Довмонта прицельной стрельбой, были словно разбросаны каким-то могучим великаном по всему побережью и огромной вытоптанной поляне. Скорченные тела, горящие на многих из них одежды, раскинутые в стороны руки и ноги, растянутые тени, падающие на землю от оперения русских стрел в отсветах яркого пламени, и, самое страшное, непонимание того, что происходит вокруг них, заставили дрогнуть сердца даже видавших виды воинов...

– Сомкнуть щиты! Занять круг! – кричал неистовым басом Ричард, пытаясь призвать к себе тех, кто ещё продолжал неистово метаться по берегу. – Отходить по четверо в лоды!

– Оттаскивай горящие! Поставить сходы⁹.

Ричард не решился идти вперёд, в темноту, не зная истинной численности врага. Создав вокруг себя глухую стену из щитов, и, дабы не ждать неизвестности, он решил спасти тех, кто есть. Прикрываясь, кнехты оттолкнули баграми и копьями горящие лоды от берега и, поставив сходни, по четверо, прикрыв себя щитами с четырёх сторон, стали подниматься на борта шести уцелевших от огня ладей... Ещё три лоды стояли чуть поодаль от всех. Их уже захватил Давыд Якунович и бил оттуда прицельно по берегу. Остальные же ливонские корабли были охвачены огнём. Некоторые пылали так, что уже рухнули мачты, и они вскоре могли начать уходить под воду. Понимая, что уходящие под воду лоды осложнят выход в озеро остальным, Ричард кричал не жалея глотки, пытаясь поторопить своих воинов.

– Что с полоном? – спросил подбежавшего Кукшу князь.

– Уходят... Воинов округ всех побили. Семи десяткам мужей пособили, чем могли... Кому сулица, кому меч ливонский

⁹ То же, что и заходы у русичей, деревянные трапы, по которым поднимались с берега на борт кораблей.

достался, а кому тока щит да шелом... А кто и так готов идти, с камнем... Коль к немчуре подойдём, на всех мечей хватит. Вон скока их побитых лежит, – говорил Кукша, показывая на берег. – Оставший люд к насадам повели...

– Рано, – отвечал Довмонт, – отправь тех, что налегке, берегом, пусть бегут во всю мочь и уведят баб с детьми в озеро, к дому. Поперек устья натяни верёвку, вбей брёвна да привяжись к ним накрепко... Ишь, бежать хотят. Как тока посядут в лодьи, бей по парусам огнём. А этих, что стороной стоят, – показал Довмонт на стоящую отдельно оцетинившуюся копиями сотню ливонцев, – бить начнём, как тока лодьи тронутся.

В это время сотня, видя, что большая часть воинов уже вошла на ладьи, сначала медленно, потом быстрее, а вскоре и во все бегом бросилась в их сторону. Дружинники князя вновь открыли прицельную стрельбу. Многие из бежавших вскрикивали и падали замертво... Кто-то был ранен и жестоко ругался... Кто-то издавал лишь стон. Ливонцы прекратили беспорядочный бег и, словно вдруг вспомнив о «правилах» войны, вновь сомкнули ряды, закрылись щитами и двинулись к своим медленно, но упорядоченно...

– Не дать им сойтись, – молвил Довмонт и вытащил меч из ножен. – Ждать. Как крикну «Вперёд!», выходить всем.

Князь первым вышел из темноты на освещённую поляну и, твёрдо ступая по песку, сделал вперёд два десятка шагов. Пытаясь дать больше времени уходящему полону, он громко закричал на немецком:

– Кто ты, воин, что пришёл войной на мою землю?! Я – князь Довмонт! Никому не позволю безнаказанно ходить на меня! Вы все окружены! Выйди биться со мной, коли ты не трус! Победишь – отпущу всех, проиграешь – твои воины сложат оружие! Согласен?

Вся ливонская рать словно замерла, глядя на неожиданно появившегося из темноты высокого могучего воина. Огонь освещал его блестящие доспехи, отражался от них, высокие языки пламени горящих на воде кораблей отбрасывали на ровный песок за князем огромную тень с поднятым в руке мечом. И эта растянутая, продолговатая тень многим показалась зловещей. Воины Ричарда, переглядываясь друг с другом, почувство-

вали, как по спинам многих из них пробежал холодок. «Довмонт... Это Довмонт... Господи... Тот самый... Что у Дурбе убил принца... Который под Дерптом... Тот, что победил рыцаря Герхарда... Тот самый, что в прошлом году под Псковом...

Господи! Он и вправду могуч и дружит с дьяволом!» – очень громко прошептал кто-то из воинов, да так, что слова эти услышали многие. А дальше пошёл шепоток среди воинов, как эхо: «Это Довмонт! Он дружит с самим дьяволом! Иначе как он здесь оказался?! Он знает с дьяволом! Господи, помоги нам! А Ричард, говорят, грозился убить его...» И все взоры воинов обратились на своего командира. Рыцарь Ричард не ждал, он уже пробивался сквозь густо стоящих кнехтов, грубо расталкивая их руками и орал, словно подбадривал себя и своё воинство. Орал так, чтобы слышали все:

– Я здесь! Я – рыцарь Ричард фон Лутерберг! – кричал он. – Тебе удалось сбежать от меня в прошлом году, но сейчас не уйдёшь! Наконец-то Бог услышал мои молитвы, и я отмщу за все твои дьявольские прегрешения!

«О, Господи!.. Зачем он вновь поминает дьявола!» – зароптал громким шёпотом всё тот же воин и перекрестился. За ним перекрестились многие услышавшие его. В это время Ричард уже вышел вперёд, зачем-то снял с головы шлем, бросив его на песок и, вынимая из ножен свой внушительных размеров меч, молвил:

– Дьявол ты или человек, но у меня есть тысяча причин убить тебя!

И уверенный в своей силе, он первым кинулся на Довмонта. Отбив первый удар, князь развернулся вполоборота и, заступив за спину Ричарда, сделал, казалось, сокрушительный удар по плечу. Но Ричард оказался на удивление расторопным. Уклонившись в сторону, он успел развернуться и подставить меч. Мечи соприкоснулись столь сильно, что высекли несколько искр и воздух слегка дрогнул, от последовавшего следом, щеко-чущего не только ухо, но и душу, тонкого звука дорогого металла, ударившего по слуху воинов... Ведь это были ещё те времена, когда воины могли различать на слух звуки добротных клинков...

Начался поединок. Никто не смел оторвать взгляда от двух могучих воинов и их страшных теней, что с сумасшедшей быстротой носились по освещённому огнём песчаному берегу, нанося и отражая удары друг друга. Схватка была завораживающей. Они, словно огонь, парящий над землёй, иногда высекая в полночи искры из металла, вдвоём охватили всё свободное пространство берега. Казалось, что это в какой-то сказке бьются два титана-волшебника...

Ричард ещё не встречал подобного противника. На какой-то миг они остановились: тяжело дыша и держа меч перед собой, рыцарь с яростью в голосе проговорил Довмонту:

– Ты и впрямь дружишь с дьяволом. Я ещё не знал противника, который мог бы устоять столь долго против меня. Но всё одно, ты сейчас умрёшь.

И с этими словами Ричард сделал резкий выпад вперёд. Молчавший всё время Довмонт уже знал, что хочет сделать Ричард. Развернув корпус, князь с силой, лишь кистью руки коротко и мощно взмахнул мечом снизу вверх, одновременно шагая в сторону и пропуская мимо себя Ричарда. Рыцарь не сразу понял, что произошло. Меч князя, словно молния, остриём прошёл по лицу противника, разрубив правую часть лица. Челюсть, губы, щеку и глаз. На фоне освещённого огнём тёмного неба, из полученной раны фонтаном брызнула кровь, отбросив большую тень на светлый песок. Ливонское воинство невольно ахнуло. Ричард же, ещё не совсем понимая, что произошло, развернулся и попытался вновь кинуться на князя. Но сделав всего лишь два коротких шага, командор войска ливонского остановился. Кровь залила всё его лицо, глаз вытекал, из щеки бил маленький фонтанчик крови. Ричард не чувствовал боли, но зашатался, руки и ноги его словно в миг ослабели. Он никогда ещё не ощущал такой беспомощности. Прикрыв окровавленную часть лица левой рукой, он неожиданно присел на правое колено, опёрся на меч и, медленно оседая, рухнул лицом вниз, на песок...

Довмонт тяжёлым взглядом обвёл всех, кто молча смотрел на произошедшее и, отведя меч в сторону, указал им на лежащего неподвижно Ричарда:

– Так будет со всеми, кто придёт на нашу землю незваным...

Хотя было темновато, и князь не мог разглядеть лица ливонских воинов, он чувствовал, как вселил смтение и уважение в их сердца. А дикие вопли обгоревших воинов, как и десятки распластанных по берегу тел, в умах их рождали страх. Но это были воины. Воины, которые видели всякое, которые жили войной. Смтение в их душах могло неуправляемо перерасти и в панический ужас, и в лютую ненависть к врагу, и в решимость. Тишина длилась недолго:

– Смерть безбожникам! – выкрикнул, выходя вперед, рыцарь в белом плаще с поднятым мечом. – Рыцари, ко мне! За мной, воины! Отомстим за Ричарда! С нами Святой Крест!

– Вперед, русичи! С нами Святая Троица! – выкрикнул вслед за ним Довмонт и изготовился встречать противника.

С двух сторон почти разом вторили несколько сотен голосов:

– За Ричарда! С нами Святой Крест!

– За Святую Троицу!

И из темноты к стоящему меж ворогом и псковичами князю выступило около сотни успевших кто чем вооружиться бывших пленников во главе с тремя десятками князевых дружинников. Ливонцам, при свете горящих ладей, выбегающих с диким воплем из темноты русин показалось столь много, что большинство из кнехтов кинулось вновь к ладьям, пытаясь спастись бегством. Многие же с криками «За Святой Крест!» ринулись в бой вслед за рыцарем Ханком.

– А ну, други, навались! – подбадривал своих воинов князь. Голос его, словно раскат грома, разлетался по всему озеру.

Ливонцы, видя, что расстояние между ними и русичами снова сокращается, уже не раздумывая, гребли к острову. Мало того, они уже явно видели, что численный перевес на их стороне. Стрелы в преследователей летели всё реже и реже. Видимо, кончались, или же они решили их приберечь на решающее сражение. Пока корабли псковичей приближались, ливонцы успели выскочить на сушу и построиться. Довмонт же, видя, что враг врзался ладьями в густые заросли острова, подняв руку, прокричал так, чтобы слышали и воины со второй ладьи:

– А ну, стой! Назад! Теперь не уйдут...

И ладьи слегка отгребли от берега назад. Одна осталась на месте, князь же решил обойти вокруг и встать с другой стороны. К закату¹⁰ от края острова – до большого берега было всего-то сажень сто¹¹, но всё равно, пройти прямо было нельзя. Хотя глубина везде была добрая, от самой середины острова к большому берегу шла песчаная коса шириной сажень в пять, а глубины над косой было всего-то в четверть сажени, а то и меньше. Местами по колено, местами по грудь... Кречет, стоящий на носу, вовремя заметил это, благо вода была прозрачной, ведь ладья могла сесть в песок. В озере, пока весна, вода была «высокой», а к лету «падала», и островок тот становился одним целым с большим берегом, выступая вперёд. Песчаная коса становилась как бы дорогой к острову. Густо покрытый высоким, прошлогодним камышом, да и так, с наросшими и свалявшимися слоями за многие годы, остров был хорошим укрытием. Вражеских воинов на нём было совсем не видно. Если бы не гнались следом да не стояли пустые ладьи, можно было подумать, что остров пуст. Тишина стояла долго.

– Ну, чего? Добре всё случилось, – молвил Давыд Якунович, когда две ладьи псковичей вновь подошли друг к другу, и, покаявая в сторону Пскова на ушедшие с полоном насады, добавил: – Домой пойдём? Глянь, наши скоро уж дома будут, да и мы ливон славно победи. Добрая победа, князь!

Довмонт утвердительно кивнул головой и хотел что-то сказать, но в это время справа от него раздался стон. Князь резко обернулся: большая арбалетная стрела со знакомым только воинам звуком вонзилась в правое плечо стоявшего рядом Клима, попав прямо меж пластин доспеха. Клима откинуло назад, и он упал на дружинника, сидевшего за веслом.

– Щиты! – крикнули все хором, прикрываясь и поднимая их. Стрела прилетела неожиданно, никто и подумать не мог, что можно дострелить так далеко.

Давыд и князь склонились над Климом, осматривая место раны. Он же молчал. Сжав зубы, молодой воин смотрел в глаза

¹⁰ Западу.

¹¹ Сажень 13 века равна примерно двум метрам.

Довмонта, стараясь не выказывать боли. Князь попытался ободрить его:

– Ничего, друже, не помрёшь. Булат тебя дома вмиг залечит.

Клим хотел улыбнуться, но у него не получилось и, видно от боли, потерял чувство. Давыд Якунович побледнел от злобы, держа за руку своего сыновца, и, глядя в сторону камыша, произнес:

– Гляди, князь, стрела-то арбалетная, тока вдвое больше. Для далёкой стрельбы. В тебя летела, не иначе. Ты бы пригнулся...

Только Давыд молвил эти слова, как такая же стрела гулко вонзилась в щит Лютола, успевшего прикрыть Довмонта. Причём двухпёрый наконечник стрелы, разрезав, пробил щит и торчал с обратной стороны. Князь сначала взглянул на этот холодный кусок смерти, потом на бледного Клима и, троекратно перекрестившись, молвил негромко, но так, что его услышали все:

– Бог уберёт нас от гибели уж не раз. Дай бог и ныне не оставит. Ну, бесы, коль уж не дали с миром от вас уйти, лишь на себя гневитеся. – И уже громко, скомандовал: – Встать за щиты! К берегу! Поджигай камыш! Давыд, поди на ту лодью, первым делом пали их лодьи! Не спускай глаз с песчаной косы, а я обойду, супротив встану.

Дружинники вновь закрылись щитами, одновременно прикрывая гребущих, а ладья Довмонта пошла вокруг островка, на ходу стреляя огнём по сухому камышу. Не успел князь дойти до песчаной косы с обратной стороны, а остров уже по всем берегам полыхал огнём. Время весенних дождей ещё не наступило, годами копившиеся мох и камыш были сухими. Тот камыш, что густо стоял с прошлого года, разгорался особенно быстро, за ним схватывался залежалый. Лёгкий ветерок, словно невзначай проснувшись, разжигал огонь, обдавая его резкими порывами. Когда же разгорелся залежалый камыш, коим был устлан остров, почитай, в четверть сажени толщиной, а то и боле, жар поднялся такой, что псковичи и сами почувствовали тепло. Вскоре весь остров полыхал, как огромный стог сена. Сквозь гул поднявшегося столба огня с разлетающимися по ветру снопами искр и пепла с острова послышались сначала крики, потом и вопли отчаяния.

– Ща выходить начнут, сготовиться всем... Ещё чуток – и бежать им некуда станется, – говорил Давыд Якунович, внимательно вглядываясь сквозь дым, который пошёл в их сторону.

Ветер сменился. Потому и звалось озеро Чудским, что на дню раз пять ветер мог смениться. Чудит...

– Гляди, ладьи их горят...

– А и добре. Пусь горят...

– Пошли! – закричали дружинники.

– А ну, греби ближе!

И ладья пошла ближе к острову. Из огня стали выпрыгивать в воду горящие кнехты. Словно сумасшедшие, на ходу срывая с себя горящие одежды, прыгая в воду, они яростно пытались сбить огонь с горящих тел и пылающих волос. Видно, кто-то из них знал про песчаную косу, потому как почти сотня обгоревших воинов выскочила именно с той стороны. Стоя кто по пояс, кто по грудь в воде, на ходу стреляя из арбалетов и луков, ливонцы ринулись к спасительному берегу.

Ладьи с дружинниками князя подошли ближе и стали стрелять прицельно. У них было явное преимущество: они стреляли из-за укрытия, а кнехтам было очень несподручно в воде перезаряжать арбалеты, лучники же стреляли, держа лук над головой, наискосок. Крестonosцы, видимо, готовились к этому броску, потому шли организованно, прикрывая лучников и арбалетчиков щитами. Они знали, что русичи не смогут на ладьях приблизиться к ним вплотную, ибо могут сесть на мель. Хоть и сидели немецкие суда в воде неглубоко, но песчаная коса была слишком высокой...

– Глянь! – закричал чуть не в ухо Давыду Якуновичу Кречет, показывая в другую сторону, – ладья...

– Ливоны? Подмога? – пристально всматриваясь и щуря глаза, спросил воевода. До ладьи было всего-то в перелёт стрелы, в происходящей суете никто и не заметил, как она приблизилась.

– Да не, наши кажись... Вон, то Демочка на носу стоит. Его кафтан красный. Да и мужи, почитай, стоят все в исподнем.

– Слава те, Господи, живы, – перекрестился Давыд Якунович. За ним, радуясь, перекрестились и остальные.

– А ну, дядь Давыд, дай-кась...

Давыд оглянулся. Весь бледный, слегка шатаясь, на ногах стоял Клим:

– Дай-кась сулицу. Давай к ним подойдём. С лоды побьём.

– Ишь каков! – пытался сказать строго воевода, увидев племянника на ногах, но вместо этого получилось радостно. Давыд было сделал шаг к нему, пытаясь обнять, но именно в этот миг, сверху, перелетев по дуге нос корабля, прямо под правую ключицу чуть ниже первой раны, которую уже успели перевязать, вонзилась стрела. Клим упал на спину прежде, чем воевода успел подхватить его. Давыд, положив щит на затылок, присел над племянником, заодно прикрывая его:

– Господи ты боже... – молвил он в отчаянии, но Клим, скривив от боли рот, всё же улыбаясь, пытался ругаться:

– Да что за день-то сегодня такой, дядечка, а?!

И вновь потерял чувство...

– А ну прижми рану! – заорал воевода ближайшему дружиннику, уже выдернув стрелу. – Да перевяжи чем! Порублю тварей!

И вскочив, словно рысь, прыгнул к борту. Обгорелые, кнехты числом уже более полутора сотен прошли четверть пути по песчаной косе до спасительного берега. Тянуть больше было нельзя. Воины с ладьи князя с одной стороны и дружинники с ладьи воеводы с другой прицельно стреляли по идущим в воде ливонцам, но урона большого принести не могли. Хоть и были они замучены и обгорелы, но шли плотно, прикрытые со всех сторон щитами. Вскоре подошла ладья с боярином Володиме-ром, встав бок к боку с ладьёй воеводы.

– Живы? – спросил Давыд Якунович, заглядывая в ладью подошедшую и испугался слов своих... Она была полна убитых псковичей. Окровавленные тела были навалены друг на друга по всей ладье. Бородатые здоровые мужики и совсем ещё молодые безбородые, два-три пожилых мужа, несколько отроков годами не больше четырнадцати. У самого ближнего борта лежали несколько женщин и двое детишек. К горлу воеводы подкатил ком. Он обернулся и увидел лица замерших дружинников, все молчали. Живых мужей в ладье стояло всего десятка три, взгляды их были тяжелы и угрюмы. Они зло и обречённо смотрели за спины дружинников, разглядывая идущих в воде латинян.

– Всех наших, кажись, собрал, по всему берегу и стойбищу. Наспех положил, – медленно произнес боярин Володимер, вновь троекратно перекрестившись. Лицо его, как и остальных мужей, было черно от копоти, левая рука перевязана. – Там ишо побиться малость довелось. Вот, почитай, все, кто остался. Павша вон ранетый. Князь де?

– Да вон, – отвечал Давыд, показывая сквозь дым над водой на ладью с князем и пытаясь подавить ком в горле.

– Отмщения просим, воевода... – угрюмо глядя исподлобья, молвил боярин.

Давыд Якунович молчал недолго. С трудом оторвав взгляд от босых детских ножек, что торчали из-под прикрытых парусом маленьких тел, он молвил сначала сухо, но потом, кашлянув, зарычал со всей мочи:

– На весло-о-о... Бей погань!..

Мужики во главе с боярином Володимером враз попрыгали в ладью воеводы и, ударив по вёслам, направили её к уходящим ливонцам. Набрав разбег, ладья тяжело вонзилась носом в песчаную косу, перекрыв отступающим полпути. Разгадав замысел воеводы, тут же следом к косе подошла ладья князя и встала у острова в хвосте рати ливонской, упершись в песок боком. Путь к отступлению был отрезан. Лучники Довмонта били почти в упор. Доставали копьями сверху. Понимая безысходность происходящего, три рыцаря и несколько кнехтов подошли к ладье и, стоя по грудь в воде, прикрываясь щитами, пытались прорубить топорами борт. Но Лютол, срубив мачту и махая ею, словно тростиночкой, уложил насмерть, почитай, всех. Лишь одному удалось отбежать. Но его вослед догнало метко брошенное копьё.

Ливонцы превосходили числом, но были усталы и обгорелы. Многие получили сильные ожоги на лице, у кого-то почти совсем сгорели волосы, усы, бороды. На многих из них висели обгорелые лохмотья, не было доспехов, видно, посбрасывали, чтобы легче было идти в воде, иль скинули ещё в огне, потому как железо от огня печёт хуже самого огня. Дрались латиняне отчаянно, понимая, что долго в холодной воде они не протянут и что спасение сейчас только в их собственной храбрости. Вскоре случилось так, что все стояли вдоль борта ладьи Довмонта и би-

лись, кто как мог. Вода сначала помутнела, а вскоре стала багряно-красной...

Уже десятки тел плавали вокруг. Битва продолжалась. В какой-то миг с ладей Давыда Якуновича и Довмонта в сумасшедшем буйстве сечи стали прыгивать в воду на песчаную косу обезумевшие мужики. Яростно махая мечами, копьями, топорами, они спрыгивали прямо на головы ливонцев. За ними, видя неравенство сил, скидывая доспехи, дабы легче было двигаться, стали прыгать в воду и дружинники князя. Началась страшная сеча в воде, которая вскоре стала похожа на битву в крови... Крики, брызги, вопли, скрежет и звон металла, стоны, проклятия... Медленно растекаясь на сотню саженей вокруг, помутневшая вода в этом месте окрасилась в красное...

Вскоре от поверхности холодной воды озера стал подниматься лёгкий, еле уловимый пар, то ли от тёплой крови, то ли от ещё тёплых, разгорячённых тел мертвецов, что заполнили кровавым пятном чистые воды Чудского озера... Теперь, весь промежуток от безымянного островка до самого берега был багряно-красным.

Солнце уже прошло полпути к полудню, слепя яркими лучами глаза и согревая весенним теплом. Три ладьи стояли у самого острова бок о бок. Люди на них перевязывали раны, выжимали одежду. Кто-то молча сидел, съёжившись на самом днище, пытаясь согреться в безветрии под первыми тёплыми лучами солнца, кто-то, бурча под нос, натягивал на себя ещё мокрую рубаху, кто-то, отвернувшись к воде, тихо плакал, пряча слёзы. Те, кто не побывал в воде и был сухим, осматривали вёсла и горизонт. Кто-то отдыхал, кто-то попробовал пройти на тлеющий остров, посмотреть, не спрятался ли там ещё кто. Но они тут же вернулись обратно:

– Не, не пройти, пекёт как есть ишо... Краснота в жару стоит, ноги не поставить...

В стоявшую посреди двух других ладью положили ещё девять убиенных в сегодняшней битве. То были люди из мужиков, что без страха в сердце кинулись мстить за своих близких... Многих погубили, но и сами головы сложили. Среди дружинников Довмонта были только раненые. Мастерство воина и умение спасает почти всегда.

– Уж ты-то чего, князь, в воду полез? – назидательным тоном говорил воевода, растирая руками замёрзшие босые ноги. – Нечто без тебя бы не сладили?

– А ты? – отвечал Довмонт.

– Да знаю, не должён был. Да злобу не сдержал, как увидел... – и воевода кивнул на ладью с убитыми.

– А я побоялся, что обратно на остров выйдут. Поди потом выкури их...

– Дык там аки в сковороде у чёрта! – пытался пошутить один из тех, кто хотел пройти на остров.

– Кабы знал про завтра, сегодня бы сготовился, – промычал невесело под нос Довмонт.

Помолчали. Князь, стоя на борту, долго смотрел на уложенные тела убитых мужиков, баб и деток, затем осмотрелся вокруг. Несколько десятков ливонских тел плавало недалеко от островка. Десяток уже прибило к берегу. Где-то из воды торчали только руки или ноги. Где-то спина, где-то тело плавало лицом вверх. Это были те из ворога, кто целиком снял с себя доспехи, пытаясь быстрее выйти к спасительному «большому» берегу. Те же, кто был в доспехах и кольчугах, лежали у дна... Кровь в воде уже успела то ли осесть, то ли уйти в сторону, но теперь сквозь небольшую толщу воды, тела были хорошо видны. Не спасся ни один.

«Кому-то сегодня горе... Много горя... Сколько ж люда вот так вот сгнуло неведома где... О, Господи! А сколь с начала сотворенья?.. – размышлял Довмонт, опершись локтями в борт и вглядываясь в воду, – и ведь все они чьи-то...»

– Князь. Готовы, – перебил его мысли воевода.

Довмонт ещё раз обвёл место страшного побоища взглядом. Посмотрел в сторону своего берега – ушедших домой насадов не было видно. Посмотрел в другую сторону – на северном горизонте виднелись две маленькие точки бежавших ливонских ладей. Князь троекратно перекрестился и, сбросив с плеч тёплую бурку, укрыл ей лежавших теперь рядом раненых Клима и Павшу. Только затем уставшим голосом молвил:

– Домой...